

Немало поэтому иногда приходилось употреблять усилий для того, чтобы напомнить владельцу о забытой им рукописи, заставить принести с поветей заброшенный короб или ящик с книгами.

Бывало так. Приходишь в избу, спрашиваешь хозяйку о рукописях, поясняешь ей, как они выглядят и что могут содержать. Для большей ясности употребляешь все названия, какие ты слышал про эти книги: «письменные и досельные», «славянские», «староверские». Это особенно важно для того, чтобы не принесли, как нередко случалось с нами не раз, старые школьные учебники и современные печатные книги. Хозяйка отвечает, что были такие у деда или бабки, но давно уже их нет в доме: розданы давно «на помин души» покойников грамотным старушкам. На помощь приходят дети хозяйки. Они недавно бегали по чердаку и высмотрели все.

«Мамка! А в бочке какие-то книги славянские лежат?», — говорят ребята. Мать посылает за книгами, начинает припоминать другие. На чердаке, в чулане слышится шум отодвигаемых ящиков, сундуков, бочек; в поиски включается весь дом. Тут выясняется, что одну книгу «в лицах» три года назад взяла тетка Дарья. Обычно самый младший из семьи посылается к тетке и приносит оттуда эту рукопись.

А бывает и так. Сидишь, сидишь в избе у хозяйки, ничего нет. Только дошел до соседнего дома, прибегает девочка и смущенно говорит: «Мамка книжку нашла. Велит приходить». Это хозяйка после нашего ухода вспомнила и разыскала рукопись.

Часто случалось и так. Зайдешь раз в дом к пижемцу, — книг нет; приходишь к нему же через два дня, — показывает несколько рукописей. Оказывается, на семейном совете установили, что у одного из братьев есть такие книги, и вот принесли их в тот дом, где мы были.

Учитывая все это, мы с Федором Антоновичем старались по несколько раз заходить к одним и тем же владельцам, но, разумеется, к тем, у которых предполагали наличие рукописного материала.

Другим нашим постоянным правилом было непременно самим подойти к шкафу или побывать на чердаке, в чулане и лично осмотреть место хранения рукописных книг. Это вызывалось тем, что многие владельцы ценность книг определяли по объему, по переплету с застешками, а маленькие грязные тетрадки и отдельные листы, подчас самые ценные из их рукописей, оставляли на месте как «негодящие куда».

Большинство владельцев уже давно не читали свои рукописи. Старинное скорописное письмо никто из них читать не умеет. Многие держатели рукописного материала не отличают книги старинной печати от рукописей, написанных полууставным письмом, и на этой почве у нас не раз создавались курьезные моменты. К нам, собирателям рукописей, население везде относилось вполне благожелательно, и это значительно облегчало поиски рукописной старины. Нередко рукописные книги отдавались бесплатно, когда узнавалось, что они идут для науки.

Сохранению на Пижме рукописной книги способствовало то, что долго этот край принадлежал к самым отдаленным и глухим уголкам нашей страны. Но главной причиной была особая консервативность местного старообрядчества, вызывавшая большую любовь к старинной культуре и обычаям. Пижемские старообрядцы были наиболее действенными на Печоре после старообрядцев Усть-Цильмы. Длительная приверженность пижемцев к «старой вере» наложила свой отпечаток на общественный быт, одежду, фольклор и т. д. В пижемских деревнях жили понятиями XVII века. Эти признаки глубокой старины держались вплоть до самой Великой Октябрьской социалистической революции. Да и сейчас еще иногда встречаются эти остатки далекого прошлого.